

аксіології є Л. Н. Столович, основним поглядам якого на природу естетичних цінностей і присвячена ця стаття. Зокрема, в своїй найбільш відомій книзі “Краса. Добро. Істина. Нарис історії естетичної аксіології”, він робить висновки, що значення “краси, істини і добра” тісно пов’язані між собою, і поєднуються в поняття “цінність”, де добро визначається як моральна цінність, істина – як пізнавальна, а краса як – естетична. Особливе місце в працях філософа приділяє розробці питання естетичної аксіології та детально аналізує її поняття, сутність, предмет, місце та критерії. Розглядаючи специфіку естетичної цінності виділяє поняття утилітарної і естетичної цінності, естетичної і моральної; класифікує їх на категорії; дає оціночний характер естетичного переживання, естетичного смаку і естетичного ідеалу.

Завершуючи свої міркування про естетичні цінності, хочеться ще раз наголосити на великій значущості досліджуваного питання для людини і суспільства. Цінність є людським надбанням, вона категоріальна характеристика його специфічної сутності. Адже саме система цінностей визначає цілі, а відтак через практичну діяльність реалізується в якість матеріального і духовного буття як конкретної особистості так і суспільства в цілому.

Список використаних джерел

1. Коган М. С. “Філософська теорія цінності”. – С. Петербург: ТОО ТК “Цетрополіс”. – 205 с.
2. Столович Л. Н. Красота – Добро – Істина: Очерк історії естетическої аксіології. – М.: Республіка, 1994. – 464 с.
3. Столович Л. Н. Природа естетическої цінності. – М.: Політгиздат, 1972. – 271 с.
4. Столович Л. Н. Філософія, Естетика, Сміх. – С. Петербург: Тарту, 1999. – 384 с.
5. Столович Л. Н. Історія руської філософії. Очерки. – М.: Республіка, 2005. – 495 с.
6. Столович Л. Н. Філософія краси. – М.: Політгиздат, 1978. – 118 с.
7. Столович Л. Н. Категорія прекрасного і обществєнный ідеал. – М.: Искусство, 1969. – 352 с.

References

1. Kagan M. S. “Filosofskaja teorija cennosti”. – S. Peterburg: TOO TK “Cetropolis”. – 205 s.
2. Stolovich L. N. Krasota – Dobro – Istina: Ocherk istorii jesteticheskoy aksiologii. – M.: Respublika, 1994. – 464 s.
3. Stolovich L. N. Priroda jesteticheskoy cennosti. – M.: Politizdat, 1972. – 271 s.
4. Stolovich L. N. Filosofija, Jestetika, Smeh. – S. Peterburg: Tartu, 1999. – 384 s.
5. Stolovich L. N. Istorija russkoj filosofii. Ocherki. – M.: Respublika, 2005. – 495 s.
6. Stolovich L. N. Filosofija krasoty. – M.: Politizdat, 1978. – 118 s.
7. Stolovich L. N. Kategorija prekrasnogo i obshhestvennyj ideal. – M.: Iskusstvo, 1969. – 352 s.

Nevmerzhijska O. N., postgraduate student, National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), Elena.nevm@mail.ru

On the nature of aesthetic values: philosophical and axiological views Leonid Stolovich

The article analyzes the nature of aesthetic value, based on the works of the philosopher, a prominent expert in the field of axiology, aesthetics and the history of philosophy Leonid Stolovich. In his major works, he gives the essence of the concept of aesthetic axiology, describes its object, location and criteria. The main axiological categories such as beauty, goodness, truth in their relationship and in conjunction generalizes the concept of “value”, where good is defined as a moral value, the truth – as cognitive as well as beauty – aesthetic. Analyzed the specificity of aesthetic value, the nature of the aesthetic object in which it is implemented. The differences aesthetic, moral and educational values, especially the problem of objectivity of aesthetic value and its autonomy. Investigated the views of philosophy in a

categorical classification of aesthetic values, evaluative aesthetic experience, aesthetic taste and ideal.

Keywords: value, aesthetic value, goodness, beauty.

Невмерзжцкая Е. Н., аспирантка, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины (Украина, Киев), Elena.nevm@mail.ru

О природе эстетических ценностей: философско–аксиологические взгляды Л. Н. Столовича

Проведен анализ природы эстетической ценности на основе трудов философа, выдающегося специалиста в области аксиологии, эстетики и истории философии Л. Н. Столовича. В своих основных работах он дает понятие сущности эстетической аксиологии, описывает ее предмет, место и критерии. Рассмотрены основные аксиологические категории, такие как красота, добро, истина в их взаимосвязи и сочетании в обобщающем понятии “ценность”, где добро определяется как нравственная ценность, истина – как познавательная, а красота как – эстетическая. Проанализирована специфика эстетической ценности, природа эстетического предмета, в котором она реализована. Выявлены отличия эстетических, моральных и познавательных ценностей, особенности проблемы объективности эстетической ценности и ее автономности. Исследованы взгляды философа в вопросах категорической классификации эстетических ценностей, оценочного характера эстетического переживания, эстетического вкуса и идеала.

Ключевые слова: ценность, эстетическая ценность, добро, красота, истина.

* * *

УДК 223.4

Рассоха И. Н.

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и культурологии, Харьковский национальный университет городского хозяйства им. А. М. Бекетова (Украина, Харьков), ihor.rassokha@gmail.com

КНИГА ЭККЛЕЗИАСТА КАК ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ

Книгу Экклезиаста следует рассматривать как самостоятельный философский текст, содержащий оригинальные идеи, во многом близкие к идеям буддизма. Среди этих идей: 1) Идея бессмысленности нашего существования в этом мире. Автор книги Экклезиаста дает четкий ответ на философский вопрос о смысле человеческой жизни: смысл жизни отсутствует, в общем, наша жизнь – это бессмысленно. Мы не понимаем, почему мы живем, и если это так, то смысл жизни для каждого из нас состоит в чувстве радости от самой жизни. 2) Идея вечности мироздания и циклического повторения времени. Это означает, что все время в мире Экклезиаста – циклическое, со строго постоянным повторением одного и того же цикла. Таким образом, нет никакого противоречия в противоположных заявлениях: все хорошо в свое время и плохо – в чужое. 3) Соединение идеи о том, что душа после смерти не сохраняет памяти с идеей Божьего суда над нею. 4) Утверждение о единой природе души у людей и животных.

Ключевые слова: Библия, философия, Экклезиаст, буддизм, душа, суета сует, вечность мироздания.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Очевидно, что автор Книги Экклезиаста ставил перед собой определенные политические задачи. С ними связаны и житейско–педагогические мотивы Книги [3, с. 102–117]. Но в любом случае ее текст вышел далеко за рамки, как политической злобы дня, так и прописных житейских истин. Так что Книгу Экклезиаста можно в то же время рассматривать как **собственно философский** текст, и по сей день не утративший своей **философской значимости**. Сохранились возражения еврейских богословов Талмуда против включения книги Экклезиаста в состав Библии (Шаббат, 30 б). О ней прямо говорилось, что она содержит еретические воззрения (Вайкра рабба, 28 а) [5, с. 16]. “В ряде мест в Книге Экклезиаста действительно выступает философ, ученый, причем ума трезвого и отважного, ума ищущего и способного радикально мыслить по самым серьезным проблемам мироздания и человеческого бытия, не боясь

конфронтации с веками утвердившейся, освященной религией, традиционной мудростью” [4, с. 218].

Во всяком случае, формулировка [6]: **“Непознаваема суть вещей. Не выразить ее никакими словами.** Не может глаз ее рассмотреть. Не может ухо ее расслышать” (1.2–3) – это именно философия в чистом виде, а никак не богословие, не “расхожая народная мудрость” и не жреческая спекуляция.

Автор Книги Экклезиаста в своих социально–политических взглядах придерживался принципа **“золотой середины”**. Он одинаково осуждал “крайности”. Этой же “серединной” позиции он придерживался и в более общих вопросах [3, с. 112, 117]. В частности, в книге разбросаны прямо противоположные высказывания: “Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше (7:3). И похвалил я веселие; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться (8:15)” и т.д. В результате возникает ощущение напряженного диалога, в котором каждый читатель может найти для себя мудрость по вкусу. Но если этот читатель склонен к философии, то он может попытаться понять глубинный смысл этих видимых противоречий.

“В ряде мест автор высказывает совершенно противоположные мнения. То он восхваляет мудрость в духе Притч, заверяя, что “мудрость лучше, чем богатое наследство”, потому что “она дает жизнь владеющим ею” (7:11–12; 8:1–2 и в др. местах), то издевается над мудростью, которая ведь не может принести счастья, ибо “во многой мудрости много печали, и умножающий мудрость умножает скорбь” (1:18). То автор как будто превозносит благочестие: “бойся Бога и храни заповеди его... ибо всякое дело Бог приведет на суд” (12:13–14), “соблюдающий заповедь не знает беды” (8:5), то высмеивает чрезмерную праведность: “Не будь очень праведным и не слишком мудрствуй, зачем тебе разрушать себя” (7:16). В ряде мест автор как будто завидует мертвым: “И почел я мертвых, что уже умерли, счастливее живых, которые еще живут” (4:2); “И возненавидел я жизнь...” (2:17). Но вслед за этим, сам себе противореча, автор восславляет жизнь, заявляя, что “...и псу живому лучше, чем мертвому льву” (9:4). Автор Книги Экклезиаста, по выражению Ренана, как бы жонглирует словами и мыслями и предстает перед читателем то в роли ни во что не верящего пессимиста и скептика, то в роли искренне верующего, ведущего трагическую борьбу со своими сомнениями” [4, с. 194–195].

М. И. Рижский называет подобную противоречивость Книги Экклезиаста ее “странными особенностями”. Однако сам же весьма удачно продолжает: “А пока отметим: через все сочинение проходит, многократно повторяясь, одна и та же мысль, которая автору показалась, видимо, настолько важной, что он с нее и начал свое изложение и тем самым как бы озаглавил его: “Суета сует и все суета”. Здесь следует сделать небольшое отступление. Славянским словом “суета” в русском синодальном переводе передано стоящее в оригинальном еврейском тексте слово “хебел” (hebel), и передано неудачно. ...В ветхозаветных частях Библии в оригинальном тексте это слово в разных контекстах имеет значения: “нечто

ничтожное”, “нестоящее”, “пустое”, “бессмысленное”... В нескольких местах Книги Экклезиаста к “хебел” добавлены еще два слова, которые в синодальном переводе переданы “томление духа”: “суета сует и томление духа” (1:14, 2:11, 2:17, 2:26, 4:4, 6:9). Но правильный перевод этих двух слов – “погоня за ветром” или “ловля ветра”. ...Таким образом, выражение “суета сует” будет иметь смысл: “все тщетно, напрасно, бессмысленно; ни в чем нет смысла”, так же как погоня за ветром. Эти слова, которыми автор Книги Экклезиаста начал свое произведение, в сущности, были предварительным ответом на основной вопрос, поставленный в ней: в чем смысл человеческой жизни?” [4, с. 195–196].

Итак, автор Книги Экклезиаста дает четкий философский ответ на вопрос о смысле жизни человека: смысла жизни нет, **в целом наша жизнь – бессмысленна.** “Человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть” (8:17). Мы не понимаем, зачем живем, а раз так, то смысл нашей жизни для каждого из нас состоит просто в **ощущении радости жизни**: “Иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердце вино твое, когда Бог благоволил к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной [бессмысленной] жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные [бессмысленные] дни твои, потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, которыми ты трудишься под солнцем” (9:7–9).

Следует также отметить, что книги Экклезиаста и, возможно, Иова содержат рационалистическую онтологическую **концепцию вечности мироздания.** Любопытное толкование книги Иова в этом смысле приводит М. С. Беленький: “Слова “орах олам” встречаются в Ветхом завете только один раз: в кн. Иова (XXII, 15). В русском переводе мы читаем: “Неужели ты держишься пути древних [орах олам], по которому шли незаконные?” Вопрос Елифаза Феманитянина обращен к Иову. Вопрошающий напоминает, что сторонники “орах олам” считаются нечестивцами, так как говорили Богу “отойди от нас”, а потому преждевременно были истреблены (...) Примечательно, что теолог и философ Саадия Гаон говорил, что люди, утверждающие, будто все существующее не имеет ни начала, ни конца, т.е. что мир существует вечно, находят основание для подобных воззрений в книге Иова. В этом произведении Саадия выделяет слова “орах олам” и подчеркивает, что они означают не “пути древних”, как их обычно толкуют, а “пути вечности”. Указав на то, что теорию вечности мира в Ветхом завете называют “орах олам”, т.е. системой вечности, а сторонников этой теории – нечестивцами, потому что они допускают безграничное в пространстве и беспредельное во времени существование Вселенной, Саадия приведенные слова из кн. Иова комментирует следующим образом: “неужели и ты (Иов) признаешь правильным взгляд тех сторонников вечности мироздания, которые погибли безвременно” и т.д.” [1, с. 126–128].

Но если в книге Иове видели намек на теорию вечности мира, то в книге Экклезиаста она изложена прямым текстом: “Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. ...Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после” (1:4–11).

Иначе говоря, мир в целом неизменен. Когда-то в неведомой нам дали времен наш мир был создан Богом (а может быть, Он создал и время вместе с миром?): “Все соделал Он прекрасно в свое время, и вложил мир [вселенную] в сердце их [сынов человеческих], хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца. ...Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить; и Бог делает так, чтобы благоговели перед лицом Его. Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее [снова]” (3:11, 14–15).

“В космосе все происходит с поразительным постоянством, регулярностью и повторяемостью, в предустановленной последовательности. Но почему столь удручающая монотонность в этом описании круговорота в природе? Все движется по замкнутым кругам, ничто не уходит от старого, ничто не возникает нового? Как справедливо отмечает французский исследователь Книги Экклезиаста Д. Ли (D. Lys), в этом сотворенном Богом мире “есть порядок, но нет прогресса, нет цели и нет смысла в том, что происходит в природе” [8, р. 105]. ...В мире людей автор Книги Экклезиаста описывает то же вечное кружение и повторение, как и в природе, то же движение по замкнутым кругам без цели и без смысла” [4, с. 201–202].

Это значит, что все время в мире Экклезиаста – *циклическое*, строго неизменное повторение одинаковых циклов: “Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать; время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий; время искать и время терять; время сберечь и время бросать; время раздирать и время шивать; время молчать и время говорить; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру” (3:1–8). А значит, нет противоречия в противоречивых заявлениях: все хорошо в свое время и плохо – в чужое.

Иначе говоря, Книга Экклезиаста содержит обоснование своеобразной *диалектики*, правда, в сочетании с жестким “циклически–временным” детерминизмом. Можно даже сказать, что автор Книги Экклезиаста – убежденный *фаталист*: “И обратился я, и видел, что не проворным достается успешный бег, не

храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них” (9:11–12).

А значит, и наши усилия в этой жизни не изменят ничего: “Кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?” (7:13). Отсюда и консервативный политический пафос автора Книги Экклезиаста: “Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это – суета!” (8:14). Единственно достойная жизненная позиция, по его мнению, – не пытаться усовершенствовать мир и общество, а расслабиться и получить удовольствие от самого процесса жизни. Впрочем, если время и случай тому благоприятствуют, то можно заняться и обществом; но это будет всего лишь наше личное развлечение: “Потому что мудро не будут помнить вечно, как и глупого: в грядущие дни все будет забыто, и увы! Мудрый умирает наравне с глупым” (2:16).

И в заключение – о трех загадочных моментах в Книге Экклезиаста. Во-первых, это представление о *единой природе души у человека и животных*: “Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе – животные. Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все – суета! Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?” (3:18–21).

“Вокруг стихов 3:19–21 вот уже почти два тысячелетия идут споры между экзегетами и учеными. Какой смысл вложил Экклезиаст в слово “дух” (евр. “руах”), который “один для всех” – для животных и для человека, так что у человека “нет преимущества перед скотом”? Слово “руах” имеет ряд значений, в том числе “дуновение”, “дыхание”, “ветер”, а также “дух” в спиритуальном смысле: “Дух Божий” (Быт. 1.1). В данном контексте, видимо, имеется в виду нечто невидимое, находящееся в любом живом существе и покидающее тело в случае смерти. У древних евреев существовала вера, что души мертвых попадают в подземное царство мертвых, Шеол, где все в одинаковом состоянии содержится бесконечное время. Но в нашем случае автор, очевидно, не имеет в виду Шеол, когда говорит о “руах” не только людей, но и животных. Нигде в Ветхом Завете нет и намека на то, что в Шеоле обретаются души животных. В вопросительном предложении: “Кто знает, дух сынов человеческих восходит ли вверх, а дух животных сходит ли вниз, в землю?” выражение “вверх” – “вниз” следует, очевидно, понимать просто в смысле “неизвестно куда”. Но этому противоречит стих 12:7: “И обратится прах в землю, чем он и был, а дух (“руах”) возвратится к Богу, который дал его” [4, с. 213–214]. И все-таки, господа богословы, есть ли у животных душа?

Ответ на этот вопрос у христианских богословов крайне невнятен. Стандартный ответ состоит в том, что душа животных – низшая, неразрывно связанная с их телом, и потому умирает вместе с ним. Хотя это явно противоречит не только Экклезиасту, но и, например, таким словам апостола Павла (Рим. 8:9 – 12): “Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонает и мучится донныне; и не только *ОНА*, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стонаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего”.

Да и ослица заговорила с пророком Валаамом вовсе не от имени Бога, а от своего собственного: “Ослица, увидев Ангела Господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама, и стал он бить ослицу палкою. И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз? Валаам сказал ослице: за то, что ты поругалась надо мною; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя. Ослица же сказала Валааму: не я ли твоя ослица, на которой ты ездил сначала до сего дня? имела ли я привычку так поступать с тобою? Он сказал: нет. И открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и преклонился, и пал на лице свое” (Числа, 22:27–31). Логично представить, что она и ранее могла мыслить, когда не могла разговаривать. Если обычная ослица может видеть ангела Господня, то логично предположить, что ее душа способна не только чувствовать, но и понимать.

Интересно, что некоторые священники сознательно уходят от ответа: “Очевидно, – животные чувствуют духовную атмосферу Рая... Сложнее тема вечной судьбы животных. Бессмертны ли их души (а у животных есть душа, как набор психических свойств)?... То, что живое творение каким-то образом войдет в вечность, приобщится грядущим благам вечного и блаженного бытия – истинная вера Православной Церкви. Как это будет? – мы не знаем” [2]. Но если у животных есть бессмертная душа, то ведь тогда и переселение душ возможно?

Вторая загадка: в таком случае выражение “все есть томление духа” или же “погоня за ветром” может быть истолковано и в том смысле, что наша жизнь – это именно наша погоня за собственным духом, который дал нам Бог. И так ли уж она бессмысленна? “Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы” (7:29). “Праведные и мудрые деяния их – в руке Божией, ...человек ни любви, ни ненависти не знает во всем том, что перед ним” (9:1). Все это как-то загадочно похоже на буддизм. Вообще идейная близость книги Экклезиаста к буддизму уже многократно постулировалась, в особенности англоязычными исследователями [7].

Наконец, третья загадка: впереди грядет некий *Божий суд*. “Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло” (8:11). “Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по

видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд” (11:9). “Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо” (12:14). Из текста Книги Экклезиаста совершенно невозможно понять, что конкретно имеется в виду. Можно, конечно, толковать в ортодоксальном духе, заявляя, что здесь речь идет о грядущем Страшном Суде. Однако слишком многое в Книге этому противоречит. Во-первых, “все, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить ...Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее [снова]” (3:14, 15). Во-вторых: “Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению. И любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем” (9:5–6). А это значит, что судить, собственно, некого и не за что.

Но как же тогда “Бог воззовет прошедшее”? И почему “день смерти лучше дня рождения” (7:1)? Может быть, потому, что “возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его” (12:7)? Значит, Бог будет вершить суд над нашей душою не под этим солнцем, не в этом мире? Но нужно ли вообще судить? “Не долго будут у него в памяти дни жизни его; поэтому Бог и вознаграждает его радостью сердца его” (5:19). Получается, что наша душа останется у Бога – без памяти? Или он снова пошлет ее на землю, под солнце – по новому кругу? “Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается” (6:7). Вечная череда воплощений нашей голодной души? Снова буддизм?

Но как же тогда понимать смутное пророчество в конце Книги: “И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: “нет мне удовольствия в них!” Доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем. В тот день, когда задрожат стерегущие дом, и согнуты мужи силы; и перестанут молоть мелочью, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; И запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать по крику петуха и замолкнут дщери пения; И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; – Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем” (12:1–6). Это вообще о чем? О Страшном суде или о том неизвестном, чем оканчивается жизнь каждого из нас? Может быть, в этих строчках как-то зашифровано имя автора?

В общем, автор Книги Экклезиаста, как Сократ, поставил много вопросов о смысле нашей жизни, но не решил ни одного: “Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человек лучше? Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под

солнцем?” (6:12). Это “сочинение, которое нами воспринимается как трактат о смысле жизни, хотя оно, это сочинение, дошло до нас в составе канона Библии под названием Книги Экклезиаста и считается одним из Священных писаний двух религий – иудаизма и христианства” [4, с. 181–182].

То, что этот философский текст включен в состав религиозного канона, не отменяет его самостоятельной философской значимости. Ведь в Упанишадах, и тексты Конфуция и Лао-цзы – тоже часть религиозного канона. Но их почему-то включают в хрестоматии по истории философии, а книгу Экклезиаста – нет. Вообще, если Книга Экклезиаста – не философия, то что же тогда философия? – Некоторые авторы называют ее величайшей из всех философских книг [9].

Список использованных источников

1. Беленький М. С. О мифологии и философии Библии. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
2. Пархоменко К., священник. Попадут ли животные в вечность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/parkhomenko/popadut-li-zhivotnye-v-vechnost.html?hc_location=ufi. Останнє відвідування 27.04.2015.
3. Рассоха И. Н. Финикийская философия и Библия. Открытие финикийцами Америки. – Харьков: ХНАМГ, 2009. – 410 с.
4. Рижский М. И. Библейские вольнодумцы. – М.: Республика, 1992. – 236 с.
5. Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир: Ветхий Завет как памятник литературной и общественной мысли древней Передней Азии. – М.: Политиздат, 1987.
6. Юнц Э. Г. (переводчик). Книга Экклезиаста // Вопросы философии. – 1991. – №8. – С.139–154.
7. Jacobi N. Buddha Codes in Ecclesiastes and Proverbs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biblecodelist.com/page.php?PageID=686>. Останнє відвідування 27.04.2015.
8. Lys D. L'Ecclesiaste. Ou que vaut la vie? – Lille, 1973.
9. Kreeft Peter. Three Philosophies of Life. – San Francisco: Ignatius, 1989.

References

1. Belen'kiy M. S. O mifologii i filosofii Biblii. – M.: Nauka, 1977. – 168 s.
2. Parkhomenko K., svyashchennik. Popadut li zhivotnyye v vechnost'? [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: http://azbyka.ru/parkhomenko/popadut-li-zhivotnye-v-vechnost.html?hc_location=ufi. Ostannje vidviduvannja 27.04.2015.
3. Rassokha I. N. Finikiyskaya filosofiya i Bibliya. Otkrytiye finikiytsami Ameriki. – Khar'kov: KHNAMG, 2009. – 410 s.
4. Rizhskiy M. I. Bibleyskiye vol'nodumtsy. – M.: Respublika, 1992. – 236 s.
5. Shifman I. Sh. Vetkhyy Zavet i yego mir: Vetkhyy Zavet kak pamyatnik literaturnoy i obshchestvennoy mysli drevney Peredney Azii. – M.: Politizdat, 1987.
6. Yunts E. G. (pervodchik). Kniga Ekkleziasta // Voprosy filosofii. – 1991. – №8. – S.139–154.
7. Jacobi N. Buddha Codes in Ecclesiastes and Proverbs [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.biblecodelist.com/page.php?PageID=686>. Ostannje vidviduvannja 27.04.2015.
8. Lys D. L'Ecclesiaste. Ou que vaut la vie? – Lille, 1973.
9. Kreeft Peter. Three Philosophies of Life. – San Francisco: Ignatius, 1989.

Rassokha I. M., PhD, associate professor of O. M. Beketov National University of the Urban economy in Kharkiv (Ukraine, Kharkiv), ihor.rassokha@gmail.com

The Book of Ecclesiastes as a philosophical text

Ecclesiastes should be regarded as an independent philosophical text that contains original ideas, in many respects similar to the ideas of Buddhism. This is such ideas as: 1) The idea of meaninglessness of our existence in this world. The author of the Book of Ecclesiastes gives a clear answer to the philosophical question of the meaning of human life: the meaning of life is absent, in general, our life – is meaningless. We do not understand why we live, and if so, the meaning of life for each of us is a sense of joy in life. 2) The idea of the eternity of the universe and the

cyclical repetition of time. This means that all the time in the world of Ecclesiastes – cyclical strictly constant repetition of the same cycle. So, there is no contradiction in the conflicting statements: all good in his time and bad – in someone else's. 3) The idea that the soul after death will not save memory connected with the idea of God's judgment over her. 4) A statement about the single nature of the soul in man and animals.

Keywords: Bible, philosophy, Ecclesiastes, Buddhism, shower, vanity, eternity of the universe.

Rassokha I. M., кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри історії та культурології, Харківський національний університет міського господарства ім. А. М. Бекетова (Україна, Харків), ihor.rassokha@gmail.com

Книга Экклезиаста як філософський текст

Книгу Экклезиаста слід розглядати як самостійний філософський текст, що містить оригінальні ідеї, багато в чому близькі до ідей буддизму. Серед цих ідей: 1) Ідея безглуздості нашого існування в цьому світі. Автор книги Экклезиаста дає чітку відповідь на філософське питання про сенс людського життя: сенс життя відсутній, загалом, наше життя – це безглуздо. Ми не розуміємо, чому ми живемо, і якщо це так, то сенс життя для кожного з нас полягає в почутті радості від самого життя. 2) Ідея вічності світобудови і циклічного повторення часу. Це означає, що весь час в світі Экклезиаста – циклічний, зі строго постійним повторенням одного і того ж циклу. Таким чином, немає ніякої суперечності в протилежних заявах: все добре в свій час і погано – в чужий. 3) З'єднання ідеї про те, що душа після смерті не збереже пам'яті з ідеєю Божого суду над нею. 4) Твердження про єдину природу душі у людей і тварин.

Ключові слова: Біблія, філософія, Экклезиаст, буддизм, душа, суєта суєт, вічність світобудови.

* * *

УДК 161.(14:25)

Шарко О. В.

здобувач, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), sharko-oleg@ukr.net

ЗАРОДЖЕННЯ СУЧАСНОЇ КОНЦЕПЦІЇ НЕЯСНОСТІ: ФРЕГЕ, РАССЕЛ, ПІРС

З'ясовується історія становлення сучасної концепції неясності наприкінці XIX – на початку XX століть як теоретико-методологічне підґрунтя сучасної дослідницької програми, що зосереджена на аналізі явища неясності та вирішенні парадоксу “Купа”, яка була сформована в 1970-х роках. На основі праць Фреге, Рассела та Пірса описано формування передумов початку історії поняття неясності в ранній аналітичній філософії та виявлено два напрямки в історії виникнення сучасної концепції неясності: негативний, згідно якого неясність є лише дефектом мови, а дослідження неясності постає внаслідок того, що вона стоїть на перешкоді ідеалу логічно досконалої мови (Фреге, Рассел); позитивний, згідно якого неясність є корисною рисою мови та що намається віднайти таку дедуктивну систему, яка б узагальнювала також міркування, що містять неясні вирази (Пірс).

Ключові слова: аналітична філософія, явище неясності, парадокс “Купа”, Фреге, Рассел, Пірс.

Більшість виразів природної мови є неясними (*vague*). Явище неясності (*vagueness*) створює серйозні складнощі для класичної логіки та семантики. Неясні вирази видаються ні істинними, ні хибними, дієвість щодо них закону виключеного третього та інших класичних законів ставиться під сумнів, а парадокс сориту (клас парадоксів на кшталт парадоксу “Купа”) ставить під питання правильність багатьох важливих правил виводу (наприклад, математичної індукції та *modus ponens*). Хоча усвідомлення проблем, що виникають внаслідок неясності (зокрема, парадоксу “Купа”), з'явилося ще в античності, однак, неясність як така стає предметом логіко-філософських досліджень лише наприкінці XIX – на початку XX століть, коли виникає сучасна логіка (витоки дослідження явища неясності можна знайти в працях Г. Фреге, Ч. С. Пірса, Б. Рассела, М. Блека, К. Гемпеля, Л. Вітгенштайна та Дж. Остина). Відтоді спостерігається поступове зростання інтересу до цієї теми, а сплеск в

Збірник наукових праць “Гілея: науковий вісник”